

РАТЪ

20 Pfennig

29. 9. 1927

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

Berlin, 29. September 1927. Wochentag-Ausgabe Nr. 189

Подписная цѣна: Въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкой ежен. на долъ 4,30 герм. мар. въ мѣсяцъ. Въ ост. почт. урѣд. Германіи 4,30 герм. мар. въ мѣсяцъ (и по 36 пфен. почт. расх. за доставку). Въ Германіи въ Европ. страны: Австрія 8 шил., Англія 5 шил., Бельгія 7,50 бельг. Болгарія 180 лев., Венгрія 6 венг. Голландія 3— голд. гульд., Греція 100 др., Даниа 4,30 д. кр., Даниа обл. 6— гульд., Испанія 8— пез., Италія 25 лир., Латвія 3— латы, Литва 11— лит., Португалія 20— эску, Румынія 200 лей (безъ Бессарабіи 150 лей), Турція 200 піастр., Финляндія 45 ф. мар., Франція 25— фр. фр., Чехословакія 35— чешск. кр., Швейцарія 6— шв. фр., Швеція 4— шв. кр., Эстонія 400 эст. мар., Югославія 60 дин въ мѣс. Во внѣевропейскія страны: Азія вост. 1,20 долл. ам., Азія зап. 5 англ. шил., Инд. 3— голд. гульд., Америка вообще 1,20 долл., Аргент. респ. 1,80 зол. пезо, Бразилія 7— мильяр, Чили 12,50 буа. пезо; Африка, Англ. 12,50 англ. шил., Италіанск. влад. 35 ит. лир., Франц. влад. 30— франц. фр., въ мѣс. Къ заказу просятъ прилагать деньги во избранной замѣленой валютѣ.

Объявленія: Цѣна въ золотыхъ маркахъ:
20 золотыхъ пфенниговъ за миллиметръ (ширина строки) въ отдѣлѣ объявленій.
1 зол. марк 35 пфен. за миллиметръ въ текстѣ.
15 золотыхъ пфенниговъ за миллиметръ за объявленія о розсказахъ и смерти.
10 зол. пфенниговъ для врачей.
15 — — — при ср. повѣреннхъ.
10 зол. пфен. за миллиметръ для ищущихъ мѣсто.
При крупнѣхъ заказахъ скидка по тарифу. Загранич. объявленія по особому тарифу.

Основанъ **И. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминна и В. Д. Набоновымъ**

№ 2078-й Четвергъ, 29 Сентября 1927 г. 8-й г. изд.

Берлинъ, 28 сентября.

Покаянія. Съ нѣкотораго времени бездѣятныя московскія газеты ожилились новой рубрикой. Изю дня въ день печатаются письма раскаявшихся оппозиционеровъ. Вчера еще Имярекъ былъ убѣжденнымъ противникомъ сталинскаго предательства, готовъ былъ умереть за чистоту коммунистическихъ принциповъ, участвовалъ въ «нежелательныхъ собраніяхъ» (къ десятилѣтнему юбилею это выраженіе вполне логично), а сегодня онъ увѣровалъ въ святость чудснаго грузина, «снимаетъ свою подпись» съ оппозиционныхъ заявленій и увѣждаетъ своихъ товарищей послѣдовать его самоотреченію.

Если бы даже всѣ эти многочисленные покаянія были вполнѣ и безусловно искренни, и въ такомъ случаѣ не въ чѣмъ было бы поздравить жалкую правящую кучку. Какая же это, въ самомъ дѣлѣ, опора, которая такъ легко и внезапно исчезаетъ изъ подъ ногъ? Что пользы и радости въ томъ, что сегодня она опять предлагаетъ свои услуги Сталину, если вчера она была съ Троцкимъ? Какая можетъ быть гарантия, что завтра она снова не перейдетъ на сторону оппозиціи, не увѣруетъ вновь въ ея правоту? Очевидно — раздѣляясь на раскаявшихся, строить на нихъ какіе либо расчеты не приходится, даже если допустить, что раскаяніе идетъ отъ чистой души, отъ подлинно-внутренняго переворота.

Но само собой разумѣется, что нѣтъ во всей Россіи такого чистаго московскихъ газетъ, который хоть на минуту допустилъ бы здѣсь искренность, который не понималъ бы, что рукой кающихся властно водить ОГПУ, что роль его непрекращающую диктовку написаны всѣ эти однообразныя, бездушныя казенныя покаянныя заявленія, изъ за которыхъ далеко высвобождаются истинныя дѣятельныя авторы. Слѣдовательно, въ лучшемъ случаѣ покаянія свидѣтельствуютъ о трусости, объ отсутствіи идейнаго мужества, о полной неспособности жертвовать собой. Достаточно было давленія со стороны ОГПУ, воздѣйствія или даже только угрозы воздѣйствіемъ, чтобы Имярекъ, вчера подписавшій оппозиціонное заявленіе сегодня отъ него публично отрекся. Поскольку это такъ, постольку здѣсь тоже напрасно стала бы кучка искать себѣ опоры. Чѣмъ легче раскаявшійся поддавался воздѣйствію, тѣмъ сильнѣе ненавидитъ оную власть, застаивающую его пережить и выставившую его на позоръ. Отъ оппозиціи онъ отскочилъ, но для него не будетъ большаго насмѣхденія, чѣмъ исподтишка наложить на него власть и сладострастная мечта въ томъ, чтобы на похоронахъ ея быть въ могилу осиново колъ, а до тѣхъ поръ онъ будетъ поддерживать власть, какъ веревка поддерживаетъ повисшаго. Чѣмъ больше и успѣшнѣе въ этомъ направленіи усердствуютъ ОГПУ, тѣмъ больше непримиримы и на все готовыхъ враговъ оно создаетъ для сталинцевъ.

Но съ трусостью соперничаетъ подлость, гнусность, готовность служить тому, кто больше дастъ, кому выгоднѣе себя продать. Сейчас, очевидно, Сталинъ можетъ залгать гораздо больше и всѣ подданы и негодяи, всегда преданно стоящіе снизу въ рукахъ правящихъ въ небѣ, спѣшатъ на его зовъ, откидываются на грубые слова, да, они, быть можетъ, только для оппозиціи и записались, чтобы

ВЪ МОСКВѢ.

Объявленная болѣзнь Акри Барбюсса, видимою, свойства дипломатическаго и имѣть цѣлью положить предѣлъ выступленіямъ именитаго гостя, перешедшаго всѣ границы и вызывающаго неснываемыя насмѣшки со стороны самихъ же коммунистовъ. Неловно же теперь соевовать Барбюссу быть покровителемъ, умѣрить свои восторги, поэтому врачи превратили легкой насморкъ въ причину для лежанія въ постели и прекращенія словесныхъ празднествъ. Славить невиданную свободу въ то время, когда сталинцы не смѣютъ больше созвать открытое собраніе изъ страха передъ оппозиціей, а на закрытыхъ собраніяхъ дѣло доходить до драки, славить свободу дѣйствительно не совсѣмъ ловно и если Барбюсса выдворить и возобновить свои гастроли, то дѣло кончится крупнымъ скандаломъ и для гостя и для начальства. Скандалъ усиленно готовится и надо думать, что гастроли Барбюсса будутъ во всякомъ случаѣ послѣдней.

Отношенія между вѣдомствами, переходя въ открытую вражду. Особенно недолюбливаютъ на Минаюна, у котораго каждый день открываются новый кризисъ. Сейчас особенно остро ощущается обувной кризисъ и мѣропріятіе противъ него выражается въ провозглашеніи обухи недостаточнымъ товаромъ. Недовольство среди рабочихъ уже неоднократно угрожало и въ отдѣльныхъ случаяхъ и разражалось стачкой (что теперь признаетъ и «Правда») и теперь профсоюзъ требуютъ учрежденія органа надъ Наркомторгомъ — образованія совѣщанія для контроля за распредѣленіемъ товаровъ. Это требованіе, весьма настойчиво выдвигаемое, грозитъ серьезными осложненіями, ибо Минаюна проявляетъ исключительное упорство.

Совѣтскія уступки недостаточны.

Парижъ, 28. 9. По свѣдѣніямъ «Petit Parisien» на ближайшемъ засѣданіи французскаго совѣта министровъ Брианъ сдѣлаетъ докладъ о послѣднемъ предложеніи совѣтскаго правительства и представитъ проектъ своего отвѣта. Брианъ держится того мнѣнія, что предложеніе совѣтскаго правительства не можетъ слушнть началомъ новыхъ переговоровъ. Въ настояшій моментъ тѣ принципы, на которыхъ они базируются не въ состояніи привести ни къ какому, сколько-нибудь удовлетворительнымъ соглашеніямъ. Французское правительство не отказывается вообще отъ переговоровъ, но въ настоящее время французская делегація не видитъ необходимости встрѣчи съ русскою делегаціей. Французская делегація подъ предѣлательствомъ де Монанъ, непрерывно засѣдающая за послѣднее время констатировала, что предложенія Раковского значительно лучше пренимнхъ, но тоже весьма далеки отъ французскихъ взглядовъ. Раньше, дѣй-

Центральный комитетъ коммунистической партіи издалъ новую инструкцію выборовъ на партійный съѣздъ. На немъ будутъ участвовать 480 делегатовъ съ рѣшающимъ голосомъ и 120 съ совѣтательнымъ. Прежде члены ВЦИна, не выбранные на съѣздъ присутствовали на немъ съ правомъ совѣтательнаго голоса, теперь такіе члены вовсе не будутъ допущены на съѣздъ. Такимъ образомъ, если Троцкий и Зиновьевъ не будутъ избраны отъ какихъ либо коммунистическихъ организаций, то они не смогутъ выступить на съѣздѣ. Это рѣшеніе ЦКъ вызвало взрывъ возмущенія среди оппозиціи.

Советское правительство опровергаетъ французскія сообщенія объ отозваніи Раковского. На самомъ дѣлѣ отставка Раковского уже рѣшена и въ серединѣ октября его ждутъ въ Москвѣ. Советскіе профсоюзныя послѣ разрыва съ англійскими требуюнами начали сориться теперь съ французскими профессиональными союзами. Причина — недостаточная резолюционность послѣднихъ. Лозовскій собирается ѣхать во Францію, чтобы инструктировать французскихъ синдикалистовъ, но ему не дали визы.

Еврейскія коммунистическая печать по случаю еврейскихъ праздниковъ открыла оживленную антирелигиозную кампанію. Еврейское юношество призывается не принимать никакого участія въ праздникахъ. Въ Москвѣ сначало американскій корреспондентъ Виффенъ, который завѣщаль снѣж его тѣло въ крематоріи и прахъ развѣять въ воздухъ съ аэроплана. Въ прошлое воскресенье тѣло покойнаго было сожжено, послѣ чего аэропланъ «Добролета», предоставленный обществомъ «для похоронъ» поднялся на высоту 1.500 метровъ надъ Москвой и сбросилъ пепелъ внизъ.

стивительно, проблема кредитовъ связывалась известнымъ образомъ съ проблемой долговъ, но тогда СССР еще поддерживалъ со всѣми европейскими государствами нормальныя отношенія. Теперь положеніе сильно измѣнилось и возможность предоставления совѣтскому правительству кредитовъ все болѣе и болѣе исчезаетъ во Франціи. Самыя обыкновенныя соображенія говорятъ за то, чтобы отнестись съ крайней осторожностью къ русскому принципу: do ut des. Французская делегація уже пошла на значительныя уступки и больше она ничего сдѣлать не въ состояніи. Было бы, наконецъ, правильно, чтобы совѣтская Россія дѣйствительно начала платить, вмѣсто того, чтобы требовать кредиты. По всѣмъ этимъ соображеніямъ отвѣтъ французскаго правительства не можетъ не быть отрицательнымъ.

«Petit Parisien» увѣряетъ, что Раковский самъ настаиваетъ на своемъ отозваніи.

стоитъ на трясинѣ, которая ее засасываетъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется, что она уже не выноситъ натиска зарубежной печати, что она взываетъ къ иностраннымъ правительствамъ съ требованіемъ принять мѣры противъ эмигрантской прессы и противъ эмигрантовъ. Удары, которые прежде ей были не страшны, пока она прочно чувствовала себя въ сѣдлѣ, теперь ощущаются чрезвычайно болѣзненно, ибо теперь на сталинцахъ нѣтъ никакой брони, они остались, въ чемъ былъ рождена, и куда бы ударъ ни попалъ, онъ одинаково мѣтаетъ и имъ приходится по звѣриному выть и корчиться отъ боли. Поэтому — слѣдуетъ искренно привѣтствовать эти коммунистическія покаянія, они ускоряютъ нѣсколько замедлившіяся послѣдствія хода событий.

Сегодня въ номеръ:

Покаянія.
Парижскія письма — «Ал. Яблоковскаго».
Жумки — В. Пильняка («Сб.»).
Письмо изъ Великаго Леониды Страховскаго.
Паломничество въ могилы русскихъ воиновъ — S. S. S. S. S.

Парижскія письма.

Въ Парижѣ всѣ очень болѣе, что національнѣе празднества въ честь американскаго легіона будутъ омрачены какой-нибудь недовольной или нѣмой выходкой коммунистовъ. Тѣмъ болѣе, болѣе, что именно въ этотъ день депутаты-коммунисты назначили большой парадъ и съмотръ всѣмъ «арскимъ силамъ».

Пользуясь отсутствіемъ мэра въ одно изъ предвѣдній, они «переменили» площадь праздничной въ площадь Сакко-Ванцетти и причислили «всѣхъ рабочихъ Парижъ» на торжественное «освященіе».

Но все обомлело какъ нельзя болѣе благополучно и «рабочій Парижъ» по-прежнему приписать на это «освященіе». Какъ свидѣтельствуютъ оцѣнки, на площадь «американскихъ смертниковъ» пришло всего-навсего тысячъ пять-шесть народу, хотя коммунисты ожидали «сотни тысячъ». И, можетъ быть, въ этомъ малодушій виноваты сами же коммунисты, которые въ своей прессѣ писали, что день 19-го сентября будетъ днемъ крови и что правительство непременно прилетѣтъ на «площадь Сакко-Ванцетти» своихъ солдатъ и что солдатамъ «уже раздало» по двѣ пачки патроновъ. Вотъ эти «двѣ пачки патроновъ» и послужили болѣе-менѣе такую неспрѣчную службу. Рабочіе разсудили, что получить пулю въ животъ на переименованной площади не такъ-то легко и воздержались и отъ съмотра, и отъ парада.

День обомлело, вообще, безъ единого выстрѣла и безъ единой капли крови.

Эта неудача очень озлобила бѣдныхъ коммунистовъ и сейчасъ они берутъ реваншъ на неспрѣчной браніи. Они позиваютъ послѣдними словами американцевъ, называя ихъ проститутками всѣхъ женщинъ, участвовавшихъ въ шестинъ легіонеровъ («mademoiselles combien»), а по адресу правительствъ и всѣхъ вообще пишутъ:

«Да, да, разолоченная сполоухъ (sansilles dorées)! Вашъ Парижъ — это Парижъ оргій, шампанскаго и проституціи. Но вы никогда не узнаете настоящаго Парижа, Парижа рабочихъ!»

Радуйся, радуйся, позолоченная сполоухъ подъ охраной твоихъ жандармовъ! Но ты уже недолго будешь радоваться!»

Какъ видите, уже одна эта словесность показывается, какъ тяжело переживаютъ коммунисты свою неудачу.

Но къ чести французскій и ихъ американскихъ гостей надо сказать, что ни одна душа не обратила вниманія на это совѣтское краснорѣчіе. Всѣ точно безъ словъ поняли, что въ семьѣхъ безъ урожая и молча прошли мимо.

Съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Парижѣ, мнѣ еще никогда не приходилось видѣть такой жестокой газетной порки, какая вышла на долю г-на Раковского. Можно сказать, съ полной точностью, что ни одна сандорова коза никогда не подвергалась такой жестокосердной, такой ужасосающей экзекуціи.

Единнымъ фронтомъ вся, такъ называемая, «буржуазная» печать возураживала собачинымъ хныканіемъ и прописала г-ну послѣ такую ижму, что онъ навѣрное будетъ поминовъ до вѣсннхъ, рѣшниковъ. Но, къ сожалѣнію, социалдемократическіе нервы не вынесли аршинца этихъ порочковъ, и социаль-эмильонеры Блюма, а за нимъ и другіе совѣтскіе родственники, аспѣивали на помощь г-ну Раковскому и заявили публично, что вся газетная кампанія противъ совѣтовъ «пахнетъ корбосномъ» и финансируется красновымъ трестомъ.

Печать.

Ни одного имени при этом названо не было. Но слово «подкупил» повисло во воздухе и заставило вспомнить, что те самые газеты, которые обмучивают теперь в Раковском, в свое время приваивали приваивали большевиков, Францией.

А откуда досужие люди сдѣлали и другой вывод?

— Керосиновые фонтаны были по только в античных и голландцев, но и в русских. И если допустить, что фонтаны англичан орошают буржуазную прессу, то придется с таким же правом заключить, что и под русскими фонтаном полетает печать коммунистическая.

Но насколько все это вѣрно? Гдѣ тут сплетня и гдѣ правда, и можно ли так свободно играть словом «подкупил»?

Нѣтъ необходимости и говорить, что это вопрос очень деликатный. Принципиально я допускаю (въ особенности постъ того, какъ были опубликованы письма Рафаэловича), что и приваив большевиков по Францию, и возможный отъѣзд ихъ изъ Франціи могъ доставить кое-какимъ газетамъ много приятныхъ и даже незабытыхъ минутъ.

— И «студя» платили, и «обратно» платятъ, въ своемъ родѣ алдо-ретуръ. Сначала на счетъ совнаркома, а потомъ на счетъ англійскаго керосинового короля. Но сказать, что инглійскій газетный похоть противъ коммунизма весь построенъ на купюрѣнціи двухъ нефтяныхъ фонтановъ, англійскаго и русскаго, было бы и легкомысленно, и несправедливо.

Я не спорю: фонтаны были. И русский бьетъ, и англійскій бьетъ, и весьма можетъ быть, что та или другая газетная репутация будетъ подмочена керосиномъ. Я даже боюсь, что найдутся репутации, которыя будутъ подмочены и русскимъ керосиномъ, и англійскимъ сразу. Но вотъ что не подлежитъ никакому сомнѣнію. Во главѣ антисоветскаго движенія во Франціи стоитъ газета «Фигаро» и ея политическій руководитель г. Франсуа Коти. Это человѣкъ старый, очень почтенный и несомненно-богатый. Но дѣла, какъ въ прошломъ году онъ потерялъ миллионы Франціи на амортизацию долговъ 100 миллионовъ франковъ. И нужно ли говорить, что на порогъ такого дома, какъ «Фигаро», должна смолкнуть самая разнузданная клевета и самая безапамятная сплетня.

Нѣтъ, тутъ ужъ не керосиномъ плачетъ, а живой, искренней болью за свое отечество и за его униженіе. Но такъ какъ и вся остальная «буржуазная» печать, въ конечномъ счетѣ, лишь ловтораетъ тѣ доводы, какіе изъ дня въ день и изъ мѣсяца въ мѣсяцъ излагаются въ газетѣ «Фигаро», то я думаю, что и вообще «запахъ керосина», который учуяли социалистическіе носы, надо считать сильно и явно преувеличеннымъ.

Я не дамъ, конечно, на отсѣченіи своей руки и не поклонюсь, что традиціи Рафаэловича на вѣки вѣкомъ вывелись изъ обихода французской печати. Но я думаю, что если безкорыстная любовь къ большевикамъ еще можетъ поддѣлать сильнѣйшаго сомнѣнію, то безкорыстная ненависть къ нимъ едва ли должна внушать серьезныя опасенія. А вся французская печать объединилась сейчасъ именно въ ненависть, а не въ любовь.

И я ни одной минуты не сомнѣваюсь, что печать добьется своего и что совѣтское посольство будетъ выброшено изъ Франціи, какъ оно было выброшено изъ Англии.

Это совѣтъ не показательно, что дѣвые министры, входящіе въ кабинетъ Пуанкаре, противятся окончательному разрыву съ большевиками.

— Войдите, въ самомъ дѣлѣ, въ положеніе министра Эррио, который сдерживалъ совѣты и внушалъ во Францію цѣлую ораву бандитовъ, и отъ котораго требуютъ теперь, уже не признавая, а изгнавая. Совершенно естественно, что, спасая свою политическую репутацию, Эррио и Ко должны теперь лезть костью за Раковского.

Но не мѣня естественности, что и всѣ другіе министры смотрятъ на разрывъ дипломатическихъ отношеній съ Москвой съ точки зрѣнія будущаго (и весьма уже недалекаго) выборовъ. Социалъ-миллионеры Блюмъ, въ своей газетѣ «Пополнеръ», не постѣжился, въ день засѣданія кабинета министровъ, прямо заявить имъ:

— Если вы хотите еще разъ получить министерство Эррио и большинство 11-го мая, то попробуйте разорвать съ совѣтами!

Вотъ по всѣмъ этимъ причинамъ, ожесточенная и беспощадная кампанія печати, направленная противъ совѣтовъ, и не давая пока прямого и немедленнаго результата.

Ненависть къ большевику выросла во Франціи до зубнаго скрежета. Всѣ газеты уже отбросили въ сторону свое терпѣ и влились за собачій хлысть. Всѣ предостереженія и послѣднія слова уже сказаны. Но социалистическіе родственники большевиковъ утѣшались за негодующую руку Франціи и сѣмать ей сѣлать короткий и естественный жестъ... Но и социалисты не вѣрять, чтобы ихъ внимательство надолго спасло большевиковъ. Давленіе Англии и ея примѣра опущается даже г-номъ Блюмомъ. Да и атмосфера вокругъ совѣтскаго вопроса раскалилась уже не до-красна, а до-бѣла.

Когда это было прежде, чтобы депутаты парламента, хотя бы такой, какъ г. Кампезъ, нечаяно обращался къ своему газетному противнику съ такими словами:

— При первой же встрѣчѣ набью морду! Когда это было, чтобы архидьявольскія газеты, вроде «Фигаро», говорили своимъ читателямъ:

— Если наше правительство не можетъ защитить Францію отъ шайки совѣтскихъ бандитовъ, то это должны сдѣлать мы, французскіе граждане!

Александръ Яблоновскій.

Письмо изъ Бельгіи.

(Отъ собственнаго корреспондента).

Смотря на свою маленькую территорию Бельгія, въ особенности въ послѣднее время, заняла видное мѣсто въ средѣ европейскихъ державъ. Послѣвоенная же Бельгія, окруженная ореоломъ славы и георетства, ослепительно закрѣпилась въ центрѣ европейскихъ державъ. Тѣмъ оглушительнѣе была для общественаго мнѣнія потеря Бельгіей мѣста въ совѣтѣ Лиги Націй. Первые дни послѣ этой неудачи бельгийцы (и въ частности политическій и парламентарій мурзавиникъ) ходили пришибленными. Но теперь уже ясно выказалось ближайшае политическое движеніе и послѣдствіе его реформированіе правительства. Правильно или нѣтъ искать причину

Послѣдній романъ Максима Горькаго, появившагося въ преддверіи воскреснаго неумеренное восхваленіе сталинскихъ порядковъ и который, какъ уже было указано, одновременно печатался въ цѣломъ рядѣ московскихъ газетъ и журналовъ, вызвалъ глухое разочарованіе. Чѣмъ больше Горькій старается, тѣмъ меньше его уважаютъ и въ Россіи. Вотъ какъ стихотвореніемъ начата на произведеніе Горькаго въ «Вечерней Москвѣ»:

Я книгу взялъ, восставъ отъ сна — И погрузился в сон.

Роман: «Жизнь Клима Самгина» На всемогущий персон! Что Достоевскій? Что Балзаак? Что книги прежнихъ дней! Было лучше — точно так, Но не было длинней! Но и это врядъ ли заставитъ Горькаго образумиться.

Кстати приведемъ и другую стихотвореніе, которая ярко характеризуетъ «направленіе современной литературы». Рѣчь идетъ о произведеніи одного изъ наиболее выдающихся молодыхъ писателей Всеволода Иванова:

Хоть невеликъ — зато задуман тонко — Грешникъ все по сходственной статьѣ: Отецъ и дочь, братишка и сестренка — Уж это не въ святое ястие! Какіе еще намъ надо достиженья? Вот это грех! Вот это красота! На четверти початого листа Не меньше двадцати кровососеній!

неудачи Бельгіи въ Женевѣ въ не совѣтъ тактичной рѣши Вандервелде за нѣсколько дней до рѣшающаго голосованія, но общественное мнѣніе цѣлкомъ обвиняетъ лидера бельгийской социалистической партіи. Здѣсь сошлюсь и сторонникъ Лиги Націй, умоляющаго въ произшедшемъ провалѣ кандидатуры Бельгіи личную неудачу Вандервелде, и ея противникъ, доказывающаго происшедшимъ всю несостоятельность женеваго интернационала, гдѣ инициатива и личное вліяніе играють по ихъ мнѣнію большую роль, чѣмъ дѣйствительныя требованія событий и положенія входившихъ въ Лигу странъ.

Результатомъ всего этого явится уходъ одного изъ двухъ социалистовъ изъ правительства Жаспаръ и загиба ихъ либералами, которые все болѣе и болѣе склонны идти на сотрудничество съ католической партіей. Такъ, въ борьбѣ съ виднымъ членомъ католической партіи Браубо, мнѣ удалось узнать о предстоящей парламентской кампаніи католиковъ и либераловъ противъ социалистовъ, которая, повидному, откроется тотчасъ послѣ начала парламентской сессіи. Но это отноше не явится политическимъ кризисомъ, какъ два и полтора года тому назадъ, а лишь репертуарной парламентской снѣгъ. Такимъ образомъ эта перемена отнюдь не отразится на внутренней жизни страны.

А пока страна живетъ своимъ прежнимъ размереннымъ темпомъ. Жизнь постепенно дорожаетъ, и правительство, отъ энергично борющаея съ инфляціей и подавляющее ее, не принимаетъ противъ этой повишенія цѣвъ никакихъ мѣръ. Все-же пока

Оставаясь въ предѣлахъ литературныхъ темъ можно еще отгнѣтить любопытную книгу Шафира «Вопросы газетной культуры», въ которой авторъ между прочимъ обрушивается на крайнее загрязненіе газетнаго языка. Авторъ обращаетъ вниманіе на то, что нынѣшнихъ русскихъ газетъ ничто не напоминаетъ.

Нашъ читатель массовикъ не понимаетъ: 1. словосокращеній, 2. иностранныхъ словъ, 3. громоздкихъ по всей конструкции предложеній, 4. книжныхъ оборотовъ.

Въ числѣ примѣровъ непонятныхъ словъ авторъ приводитъ между прочимъ такіа: льгота, классовый врагъ, меморандумъ, штрипка, Гроссманскладъ и т. д.

Но самое любопытное — это утверженіе автора, что нужно выбросить обозначеніе СССР, такъ и оно

рѣшительно непонятно даже красноармейцамъ.

Насколько авторъ правъ, можно безспорно судить по тому, какъ и чѣмъ предлагать замѣнить рядъ иностранныхъ словъ.

Гиперболъ — предложеніе. Когорта — толпа. Медифтофель — наемщикъ. Сальто морталъ — отчаянный поступокъ. Вариация — переворотка. И т. д.

Не менѣе любопытно, что книга эта издава на назиданіе читателямъ Государственнымъ издательствомъ.

еще жизнь въ Бельгіи дешевле, чѣмъ гдѣ бы то ни было сейчасъ въ Европѣ. И мало охотно и даже съ возмущеніемъ устриваютъ празднества. На долю Антверпена въ этомъ году ихъ выпало больше чѣмъ какому-нибудь другому бельгийскому городу. Послѣ блестящихъ торжествъ въ мѣсяцъ 850-лѣтняго рожденія Рубенса, о которомъ я уже писалъ въ «Рулѣ», этотъ бельгийскій портовый городъ опять празднуетъ столѣтнє рожденія Шарля Декостера, лидера національной бельгийской агонии «Легенда о Уленингелѣ». Фламандцы по роду доню и гражданами Антверпена, Декостеръ собралъ часто разнорѣчивыя народныя легенды и составилъ изъ нихъ замѣчательную по своей красоте и сочности книгу о похожденияхъ Уленингелія и его друга Ламме Гедзаль по городамъ и веснямъ Фландрии.

Кромѣ официальной стороны празднествъ, когда говорилось рѣши во время торжественнаго засѣданія и читались иклады о Декостерѣ и его времени, Антверпенъ далъ зрителямъ необычайную картину народнаго веселья. Здѣсь было и шествіе великановъ — огромныхъ куколъ въ двухъ-трехъ этажныхъ догахъ вышитой по разукрасеннымъ ушамъ, и атмосфера Декостера, въ которомъ принимали участіе персонажи легенды во главѣ съ безсмертнымъ Уленингелемъ, и наконецъ танцы на площадяхъ и веселое искривленіе на террасахъ кафе. И эта необычайная сторона показала наблюдательному и яркому явля въ бельгийскомъ народѣ память о его самомъ національномъ писателѣ.

Леонидъ Страховскій.

ЖУЛИКИ.

Письмо и повѣстка пришли одновременно, привезли ихъ вѣчеромъ. — Пусть прошло семь лѣтъ съ того юльскаго дня, когда въ сѣлѣ, — въ сѣвномомъ удушій они, она и онъ, ходили въ церковь вѣнчаться и поцѣл все понасматривалъ въ окно — не пойдеть ли дождь, не опоздашь ты ворочить сѣно; тогда онъ настаивалъ на церкви, и она, стоя подъ вѣтромъ, все хотѣла собирать мысли и переспомянуть всю свою адуку — и не могла, сдѣлала за батюшкой и за тучей на горизонтѣ и, правда, пошелъ дождикъ, и батюшка изъ церкви побѣжалъ въ дождь, колыхать. — пусть прошло семь лѣтъ — пусть сейчасъ вѣтеръ: не могли бы пошкннуть и руки, и голова, и вся она, — именно потому, что время идетъ, время усиливаетъ, ничего не вернешь, все проходитъ. У женщины въ тридцать семь любовь, многого — позавиди у мужчины въ тридцать семь — только развѣ замедливше чувтъ-чуть движенья дней и вѣчеровъ.

Решить надо было бы правильно и просто — такъ, что немца и повѣстки изъ суда, гдѣ стоить казнить слово «убійца», по было: — все конечно безъ суда, конечно временемъ, и его право слышать, и отъ гордости, — и надо было бы вновь взять ведро и поить къ колоду за водой, и поить расаду (огромная радость слытъ въ землѣ и видѣть, какъ возростаетъ тобою посеянное): — засѣлывай, вспоминала, какія трепки въ чеподахъ подо оторвать, что влѣтъ съ собою... — пусть стригать за окномъ летаютъ, обвиваютъ воздухъ такъ же, какъ каждую вѣсну: все — пусть! — Что же, у, негъ есть трудъ, у, негъ есть

трудъ впередъ, есть заботы, у, негъ будутъ вѣчера, — надо жить: надо жить!

Сторожъ Иванъ, — онъ же кучеръ, онъ же дворникъ, онъ же: — ну, какъ каждый день не ругать его, когда ему говорять про Фому, а онъ отгнѣзаетъ Ермою? Онъ сказалъ, что пароходъ проходитъ теперь на зарѣ, надо выхвѣсть съ полноты. И въ полночь Иванъ потащилъ по грязи на телегѣ — полами, просторами, непокойнымъ разовѣтывымъ вѣтромъ; развѣять отъ горѣть всѣмъ земнымъ благословеніемъ; а на берегу ушало, что пароходъ будетъ только къ вѣчеру: Иванъ похрапѣлъ, помоталъ головой, и увѣривъ, что скотинѣ дома нинто безъ него толкомъ не задохеть, ухвѣлъ обратно. На водѣ, у берега стояла мертвая каторка, на горѣ прилѣблилась изба. На порогѣ избы сидѣла баба. Безсонная ночь являла движенья и нельзя было додумывать мысли.

Баба отъ избы поклоняла, сѣла рядомъ, на порогѣ.

— Вы, что же, сторожамъ здѣсь живеть? — Мужъ мой лѣвымъ сторожемъ служить. Сами мы дальнѣе. Дѣтѣй у меня четверо, четыре сына.

И такъ и запоминать этотъ день — пустой, съ пустой контролой, съ набой набой рѣкою, — и со счастливой женщиной. И полдня все уже зналось, — что эта баба старая, что она и ея мужъ ходилъ (такъ сказала она), кляпане, — что мужъ ея тихій и добрый человекъ, двадцать лѣтъ служилъ у пѣна-колоннѣ, и гнѣмѣтъ лѣтъ былъ его за доброту, что на Украинѣ у него дочь, замужъ вышла, дѣтей народила, вну-

чатъ; старшій сынъ ея теперь тоже лѣвничкомъ служить, женился было, да неудачную жену себѣ взялъ, все съ другими мужиками бѣгаетъ, — собирался было разводиться, пошелъ въ волость распивать, но въ волости затребовали рубль шесть гривенъ: — такъ и не развелся, денегъ жалко; остальные три сына при отцѣ живутъ, олднѣ комсомольцы, — а жалованія мужъ получаетъ, слава-Богу, восемь рублей на своихъ харчахъ. Была эта баба морщиниста, какъ старый грибъ, ходила въ красномъ платкѣ, и была, была счастливой безмѣрно, всѣмъ на этомъ свѣтѣ довольной: комсомольцы, сыновъ ея, теперь ходятъ на раскопки, рыт курганъ, вырываютъ гроба изъ вѣковъ, — платили ему тридцать копѣекъ въ день, дуромъ вылились денги, — и нельзя было нечерпать бабскаго счастья. Въ избушкѣ на горѣ было по-малороссійски чисто, выхвѣло извѣстие, — отъ русской почты сидѣть тамъ было душно и мухи докучали: сидѣть все время на порогѣ. Приходили въ запоздний мужъ и сыновья, обѣдали, посадили и гостю за столъ. Былъ изъ общей мысли ни изъ сѣвжой краины; мужчины были молчаливы, побины, покрестились и легли въ тѣлу у дома спать; и гостю отлегли опять — въ сарай на сѣно; разбулды къ чаю: самовара не было, кипятили воду на кострѣ, у костра и попили чаю; отецъ взялъ англогову, пошелъ въ лѣсъ, сыновья пошли по сѣвжѣмъ дѣламъ; и опять старуха говорила о счастіи, о томъ что мужъ незлобитый, ему и въ морду можно дать.

И въ этомъ безразличіи отсымѣлѣть пароходъ, потышавъ много сумеречныхъ беретовъ, въ соловьиномъ крикѣ, въ плескѣ воды подъ колесами. И безразлично проплѣвъ убаданный городкомъ въ пыли, гдѣ надо было пересязаваться съ парохода на

побѣдъ. И вѣчеромъ была Москва. Ничто не замѣчало.

И новой ночью въ номерѣ на Тверской опитъ логически ясной стала неслѣдно прѣзда: были, любви, разошлись, ей не какъ не нужна выпилъ изъ послѣдней суда о томъ, что — «такъ-то районный судъ слушалъ и постановилъ» — былъ свободной отъ прежнихъ морозовъ и выхвѣть для новой любви, — новой любви у не было; новая любовь была у него, — и о ней она ничего не знала, но его было около нея вотъ ужъ три года. Что она — что же, она агрономъ, она горда! — она горько плакала этой ночью.

Въ судъ надо было явиться въ 11, и она пришла безъ пяти одиннадцати. Онъ встрѣтилъ ее въ дверяхъ, пошелъ навстрѣчу улыбунулся дружески, сказалъ:

— А я думаю, что ты не прѣждешь, судно по пустякамъ гадитесь, я бы не спалъ тебѣ выпиво... — и замаялся, и сказалъ, о чѣмъ писалъ уже въ писемѣ, мнѣ приятно было посылать тебѣ въ вѣткату, это грубое слово «отвѣтъ» элевно ты подслушала.

Отвѣтила:

— Конечно, глупо было прѣждать, у меня скончилось еще дѣла по суду. Живу попрженему, много работи.

— Ты гдѣ оставилась, когда прѣжала?

— На Тверской, въ гостиницѣ. Прѣжала вчера вѣчеромъ.

— Почему же ты не прѣжала прямо мнѣ? Сейчасъ же послѣ суда пойдешь перетану твои вещи. Вѣдь мы же дружили вѣдь нинто не виноваты, Армустъ милая...

Она ничего не отвѣтила. Онъ пошелъ, что она не можетъ бытъ нескрешной.

Телеграммы.

Изменения в английском кабинете.

Лондон, 27. 9.
По сведениям «Manchester Guardian» кабинет президента тайного совета лорда Бальфура уходит в отставку. На место будут назначены төперошій министр провинция лорд Перси, пост которого займет порешодшій отъ либералов консерваторам Хладонъ Юнгъ, бывшій во время финансовым диктаторомъ Польи. На место лорда Сесилия въ кабинетъ итти по всей вѣроятности төперошій дотавитель Индия въ Лигѣ Наций лорд Стотак. Отставка лорда Бальфура объясняется его престарѣлымъ возрастомъ. Лорд Бальфура былъ противникомъ төперошій антисоветской политики англійскаго правительства.

Конецъ сессии Лиги Наций.

Женева, 27. 9.
Восьмая сессия Лиги Наций была закрыта послѣ кратковременнаго заключительнаго заседания, на которомъ было постановлено созвать юридическую конференцию конференция международнаго права. Конференция будетъ специально поручены вопросы о безподданствахъ и о территорияхъ, находящихся въ подданствѣ. Президентъ общаго собрания выразилъ удовлетворение достигнутымъ результатамъ. Вечеромъ уже уѣхалъ въ Женеву. Завтра уѣзжаютъ въ германскую делегацию. Споръ между Данцигомъ и польшею по поводу стѣны польскихъ войскъ судовъ въ данцигскомъ порту отложено на декабрьскую сессию совѣта Лиги.

Положение въ Китаѣ.

Шанхай, 27. 9.
Большой торговый городъ Сватоу находится въ власти бундующей черни, во главѣ которой стоятъ коммунисты. Въ китайской власти бѣжали изъ города. Непрерывно совершаются убійства и грабежи. Местное кантонское правительство рѣшило отступить въ Сватоу сильный экспедиционный корпусъ, который долженъ возстановить въ порядкѣ. Въ Ханчжѣ, главномъ городѣ провинции опен обнаруженъ коммунистическій заговоръ. Арестовано около 80 коммунистовъ, 30 изъ нихъ были немедленно казнены. Въ Ханькоу положение остается весьма предвѣстнымъ. Правитель генералъ уѣхалъ внезапно уѣхалъ въ провинцію Хуэй. Въ городѣ находится много коммунистовъ, которые мечтаютъ о возстановленіи своего правительства. Населеніе страдаетъ недостатка соли и риса. Въ фронтѣ рѣки Янцзи вновь началась военная дѣятельность съверной армии. По нѣмъ съверная вновь заняла городъ Лу. Войска нейтральнаго губернатора провинции Шанань, занимавшія жел. дорожку по Пейчангъ Ханькоу, уведены и замѣнены войсками маршала Чанъ-Цзо-Лина.

Планы Форда.

Ріо-де-Жанейро, 27. 9.
Бразильское правительство предоставило Фреду Форду большую концессию на добычу каучука въ районѣ рѣки Тапажу.

Предполагаютъ, что Фордъ хочетъ организовать въ крупномъ масштабѣ добычу каучука и тѣмъ избавиться отъ англійской монополии.

Адмиралъ и министр.

Вашингтонъ, 27. 9.
Американскій консулъ-адмиралъ Магрудеръ, находящійся въ дѣйствительной службѣ, выступилъ въ газетѣ съ рѣзкими обвиненіями морского министерства въ бюрократизмъ и халатности. Морской министр Вильбуръ, вмѣсто того чтобы подвергнуть своего подчиненнаго заискамлю, предложилъ ему въ кратчайшій срокъ представить въ министерство детальный планъ реорганизации управления морскими силами Соединенныхъ Штатовъ.

Конкордате въ Литвѣ.

Римъ, 27. 9.
Въ Ватиканѣ подписанъ конкордате между Святымъ Престоломъ и Литвой. Послѣ подписания конкордата литовскій премьеръ Вольдемарасъ, былъ принятъ папой въ прощальной аудіенціи.

Осужденіе Марти.

Парижъ, 27. 9.
Коммунистическіе депутаты Марти и Дюкло, находящіеся въ настоящее время въ тюрьмѣ, приговорены по новому дѣлу къ 10 годамъ тюрьмы. По тому же самому дѣлу коммунистическая пропаганда, средняя содѣлатъ — редакторъ «Humanité» и три другія коммуниста приговорены къ 3 годамъ тюрьмы.

Члены коммунистическаго профсоюзнаго союза за расклеиваніе плакатовъ съ оскорбительными надписями по адресу американскаго летона и за сопротивленіе полиціи приговорены къ 2—3 мѣсяцамъ тюрьмы.

Аресты анархистовъ.

Низца, 28. 9.
Въ Низцѣ арестовано 3 италянскихъ анархистовъ, подозрѣваемыхъ въ организации извѣстнаго взрыва въ лагерь курорта Жульманъ ле Понъ. Въ связи съ послѣдними железнодорожными покушеніями на Ривьерѣ арестовано еще 20 анархистовъ по преимуществу испанцевъ и италянцевъ.

Железнодорожная конференція.

Въ Бреславлѣ закончила свои работы германско-польско-советская конференція по вопросу железнодорожнаго транзита, выработавшая рядъ мѣръ для облегченія товарнаго сообщения между тремя государствами.

Жара въ Сибири.

По всей Россіи царитъ необычайная жара. Въ Москвѣ и Кіевѣ температура доходитъ до 20 градусовъ, тогда какъ обычно въ сентябрѣ рѣдко бываетъ выше 11 градусовъ. Въ Тамбовѣ температура поднялась до 35 град. Столь же высокая температура отмѣчена въ Сибири, гдѣ за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ не наблюдалось ничего подобнаго.

Освобожденіе убійцы Трайковича.

Официальное польское сообщеніе о выѣздѣ сотрудничать парашавскаго подпредстава Гусова и Шлетцера въ Москву гласитъ:

Министерство иностранныхъ дѣлъ сообщаетъ, что послѣ вопроса о судебнаго слѣдователя Витунского 19 сего сентября, сотрудничавшаго советскаго посольства Гусова и Шлетцера, судебнаго власти — по входу въ разсмотрѣніе принципиальнаго вопроса о томъ, подлежатъ ли названные выше сотрудники советскаго посольства юрисдикціи польскихъ судовъ — на основаніи полученныхъ результатовъ, продолжалоса слѣдствіе и изъ показаній не нашли въ ихъ поступкѣ элементовъ преступленія, предусмотрѣннаго статьей 453 уголовного кодекса и основаній для прилежательности ихъ въ судебной отвѣтственности. На этомъ основаніи министерство иностранныхъ дѣлъ выдало Гусову и Шлетцера визамъ на выѣздъ въ Москву, который состоялся 20 сентября. Статья 453 польскаго уголовного кодекса предусматриваетъ убійство.

Польско-советскіе переговоры.

Варшава, 27. 9.
Польское министерство иностр. дѣлъ сообщаетъ, что въ результатѣ переговоровъ между Чинтернымъ и Патеркомъ было достигнуто соглашеніе по нѣкоторымъ пунктамъ договора о ненападении. Обѣ договаривавшіяся стороны выработали также списокъ тѣхъ пунктовъ, по которымъ ведутся разогласіе. По возвращеніи Патена съ Кавказа переговоры возобновятся.

Комментаріумъ официальное сообщеніе о выѣздѣ сотрудничать парашавскаго подпредстава Гусова и Шлетцера въ Москву.

Официальная «Эпоха» заявляетъ, что советско-польскій гарантійный договоръ необходимо согласовать съ польскими обязательствами поддерживать существующее положеніе на юго-востоку Европы. Газета очевидно намекаетъ на польско-румынскій договоръ, согласно которому Польша обязана помогать Румыніи въ случаѣ нападенія Россіи на Бессарабію. Газета далѣе го-

Слѣды барона Толя.

Пароходъ «Колыма» прибывшій во Владивостокъ послѣ плананія въ арктическихъ водахъ сообщилъ, что имъ обнаружены остатки корабля «Звара», на которомъ извѣстный русскій нѣслѣдователь баронъ Толя предпринялъ въ 1901 году третью полярную экспедицію. Изъ вел баронъ Толя уже не вернулся. Послѣднее извѣстіе отъ него датированное пообрѣмъ 1902 года было найдено на островѣ Беннета.

Западня русской церкви.

Въ китайскомъ городѣ Циндао, въ которомъ проживаетъ довольно многочисленная русская колонія, состоящая заклада православной церкви. На торжествѣ присутствовали представители дипломатическаго корпуса, старшина русской колоніи проф. Гольбергъ, начальникъ гарнизона русскихъ войскъ и много иностранцевъ.

«Даншикъ Вилениски» сообщаетъ подробности отъѣзда убійцы Трайковича въ Москву. По словамъ названнаго газетъ Гусевъ проявлялъ въ пути до польской границы большую нервозность и принималъ мѣры предосторожности, какъ бы опасаясь покушенія на свою жизнь. Въздѣтвіе жолѣбно-дорожнаго кататрофа, поѣздъ, въ которомъ Гусевъ и Шлетцера ѣхали въ Москву, былъ задержанъ на нѣсколько часовъ въ Стомбжанѣ. Во все это время Гусевъ не выходилъ изъ вагона.

«Газета Варшавска» сообщаетъ изъ хорошаго осѣдомленнаго источника, что польскій судебнаго власти признали, что Гусевъ и Шлетцера дѣйствительно въ состояніи необходимой самообороны. По словамъ той же газетъ дальнѣйшее судебное слѣдствіе будетъ поэтому направлено на выясненіе обстоятельствъ пребыванія Трайковича въ советскомъ подпредствѣ и его возможныхъ террористическихъ намѣровъ. Для этихъ обстоятельствъ судебнаго слѣдователь Витунскій совершитъ въ послѣднихъ дняхъ сентября этого года поѣздку въ Вильно. Та же газета, кромѣ того сообщаетъ, что Гусевъ и Шлетцера сами просили о предоставленіи имъ возможности уѣхать въ Москву.

Польша заинтересована не столько въ быстромъ завершеніи переговоровъ съ восточнымъ соседомъ, сколько въ дѣйствительномъ выхожденіи всѣхъ спорныхъ вопросовъ. Изъ этихъ замѣчаній явствуетъ, что на сколько нибудь быстрее заключеніе польско-советскаго соглашения рассчитывать нельзя.

Ульяновъ скандалить.

Варшава, 26. 9.
Повѣренный въ дѣлахъ советскаго подпредстава Ульяновъ устроилъ недавно грандиозный кулуаръ въ загородномъ варшавскомъ ресторанѣ, куда обычно съѣзжаются пьяныя компании. Ульяновъ находился въ сопровожденіи трехъ сотрудниковъ подпредстава и восьми дамъ, постоянныхъ постьтительницъ ресторана. Столъ былъ уставленъ самыми дорогими закусками и винами. Шампанское лилось рѣкою. По требованію Ульянова оркестръ ресторана все время игралъ русскія мелодіи. Пьяные советскіе дипломаты стали приставать къ польскому офицеру и видному варшавскому чиновнику, которые сидѣли въ соседней лѣвкѣ. Крѣпкая польска, раздавшая изъ лѣвки советскихъ дипломатовъ, приняла вѣноръ такой характеръ, что офицеръ вызвалъ полицію, которая успѣла установить личность Ульянова. Пьяная компания поспѣшила покинуть ресторанъ.

Полотняныя скатерти и салфетки становятся отъ каждой стирки лучше — но... покупайте полотно только у Гринфельда

Berlin W8
Leipziger Straße 24/22
Länderbutter Leinen- und Gebildweberei
Größtes Sonderhaus für Leinen und Wäsche

дѣлала всѣ усилія, чтобы быть прощанной. Судья спросилъ: сколько лѣтъ, какъ вы что вы имѣете противъ? — какою манерою вы хотите носить? — Онь, «сестра», сказала: — «Я бы хотѣла, чтобы ты вышла мнѣ фамилію». — Она не думала этого, она залилась кровью, ей показалось, что ее оскорбляютъ, — она сказала: — Да, я хочу оставить фамилію мужа. Судья попросилъ расписаться, объясняя, что за выпискою изъ постановленія на надо придти завтра. — Можно итти? — спросила она судью. — Да, все уже кончено, — отвѣтилъ онъ. — Поѣдемъ въ тебѣ за вещами. — Я побѣду сейчасъ въ шароматъ, — сказала она. — У меня будетъ очень хорошая прима. Ты возьмишь завтра выписку, да пришли ее мнѣ въ деревню. Всего хорошего, — и она протянула руку. Онь не взяла руки, онъ завоновался. — Послушай же, вѣдь мы любимъ друг друга, мы останемся друзьями. Не можено разстаться такъ. — Не забудь прислать выписку, она очень нужна. Ну, конечно, у насъ въ поводѣ сорваться. Я просто буду ждать завтра, — она улыбнулась, трихнула обидо рукой. — Дайки руку. — Что же, все кончено? — спросилъ онъ. — Выходитъ такъ, — отвѣтила она. — И въ этотъ же день вечеромъ она ѣхала въ нѣй въ купѣ, въ получустомъ вагонѣ сидѣлъ старикъ въ чистомъ пиджакѣ, вѣдь колѣба изъ корзинки, отрывал мелкими ломтиками, приподнималъ въ чайникъ воду. На

почѣ они оба забралась на верхнія полки. И поздно ночью въ купѣ пришло двое, заорывающие грязью, въ салогачахъ, въ кожаныхъ курткахъ, съ портфельми, — отъ нихъ пахло распутицей, бесонной, въ припыленной работѣ, бодростью, табакомъ. Разговаривали они о кооперации, были, должно быть, кооперативными работниками, — говорили о неудачахъ и побѣдахъ кооперации, объ ея будняхъ, о ея трагической работѣ, о томъ, что русская кооперация еще не созрѣла, чтобы торговать обувью и одеждою, что не удается такъ же кооперативная торговля мясомъ, — говорили просто, буднично, чтобы убить время. Потомъ надолго заговорили о слушавшихъ въ кооперации, о приназничкахъ, кассирахъ, въсовывающихъ, сторожахъ. За предположили, правильную, какъ аксіому, они брали правило, что каждый приназничекъ, завѣдующій лавкой, кассиръ — жуликъ и обманщикъ, какъ этого не забыть, или какъ сдѣлать, чтобы жулики несли меньше. Слова жуликъ они не употребляли, оно вытекало само собою; они говорили, что каждый слушавшій беретъ себѣ и своей семьѣ бесплатно мясо, масло и вообще все, чѣмъ торгуютъ, что даже у членовъ правленій есть обычай «Христа — славить», то есть «заэнергивать» себѣ по фунтику того и другого. Одинъ изъ собесѣдниковъ рассказывалъ, что иной разъ приназнички проворовываются явлю и тогда неизвѣстно, какъ съ ними поступать: расчитать, отдать подъ судъ? — во-первыхъ, огласка, а во-вторыхъ, на его мѣсто придетъ второй такой же, а отданный подъ судъ полагаетъ за собой и всѣхъ остальныхъ и надо нажаловаться дѣлю вновь. Второй доказывалъ, что провалить не надо, развѣ ужъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ, — а

лучше приназничка держать на такой грани, чтобы онъ чувствовалъ, что догадывается, что онъ жулиничаетъ: приходу не охота просить воровъ, — ну, его и держатъ на этой грани въ страхѣ, какъ бы не ослышались они воровъ. Потомъ они ушли, эти два кооператора, — въ ночь, въ деревню, на полустанкѣ. Когда поѣздъ тронулся, старикъ на полкѣ поднялся, освѣсивъ ноги, поспѣлъ такъ недолго, слѣзъ, чтобы закрыть окно, и вновь сѣлъ на полку. — Не спите? — спросилъ онъ. — Слышали, какъ разговаривали? О томъ, что у теловѣка честность можетъ быть, — объ этомъ ни слова не сказали. Такъ, стало быть, и есть на самомъ дѣлѣ. Мнѣ вотъ что непонятно, ужъ и не знаю почему, — только чужого я никакъ не возьму и всегда не понимаю, какъ это дѣлается. Слышали, какъ разговаривали? — не о людяхъ, а о померкахъ, — объ интеллигенткахъ плохого качества. И тогда она поняла, что самое существовавшее въ ея поѣздѣ — убогое счастье было надъ рѣкой и этотъ ночной разговоръ. Да, жизнь каждаго человѣка связана такъ, что — не все ли равно будетъ, если его, человека, взять съ поправкой на испорченность, испорченную жуплиничность, безграмотность, лѣноу, любовь, — связанныую государственностью, трудомъ, кускомъ хлѣба, — тою же любовью. И, быть можетъ, счастье на самомъ дѣлѣ въ томъ, чтобы быть связаннымъ такъ, когда нѣтъ рубля шестидесяти копеекъ на гербовую марку при разводѣ, какъ связана та баба надъ рѣкой, — какъ не связана она. Ей было оскорбительно слушать тѣхъ здоровыхъ, что пришли и ушли ночью, отъ которыхъ пахло осенней распутицей и здоровьемъ. Жизнь человека

— большая обязанность, никакъ не въ его воли, вѣтчески связанная. Старикъ напрогнулъ, тиропушивъ уже окончательно, заговорилъ, сообщилъ, что онъ уѣздитъ върачъ. За выпискомъ ономъ возникъ разговоръ. Она заговорила съ нимъ, первый разъ заговорила за эти дни, — хотѣла говорить. Врачъ рассказывалъ: ѣздилъ въ Москву, тамъ его дочь выходящая замужъ за инженера такого-то. Эта была фамилія ея мужа. Она спросила: За Григорія Андреевича? — Да, за него, — отвѣтилъ врачъ. — А вы его знаете? Она отвѣтила односложно и легла на полкѣ лицомъ къ стѣнѣ, сдѣлала видъ, что хочетъ спать. Онь — этотъ старикъ — врачъ — сталъ вразомѣ: онь — ворчунъ укралъ... Когда она слѣзла съ парохода, она увидѣла, что изъбы надъ горюю лѣтъ, тамъ торчала одна лишь обгорѣлая печь да нѣсколько недорѣзанныхъ бревенъ. И ей рассказали о событіи: въ этой избѣ жила семья разбойниковъ, прибывшихъ на дорогахъ, убивавшихъ людей, семья выслѣдителей-малороссовъ, отецъ, чолѣра сына, мать. Когда пришла милиція ихъ арестовывать, они стали отстрѣливаются, стѣлалъ и одиннадцатилѣтній младшій сынъ и старуха мать; въ перестрѣлкѣ убили отца и четырехъ сыновей: тогда старуха шодолга избу и умерла въ огнѣ. Ивалъ, говорившій всегда про Фому, всю дорогу рассказывалъ подробности перестрѣлки, слышавъ уже легендарнымъ, и всячески юносили разбойниковъ.

